

ВЛАД ПОТЁМКИН

ЗА ДАЛЮ НЕЗАПАМЯТНЫХ ВРЕМЁН

Влад Потёмкин

За далью незапамятных времён

«Издательские решения»

Потёмкин В.

За далью незапамятных времён / В. Потёмкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748466-8

Серая череда событий никчёмной жизни молодого правителя, одержимого лишь праздностью, заставляет наставника перенести его в прошлое, чтобы открыть для него будущее и пробудить интерес к жизни. Его жизнь наполняется сюрпризами. Интерес возрастает с каждым новым шагом открытий будущего его династии и его личной жизни. И ещё не известно, что принесёт этот визит... Самое главное — молодой король пересмотрел личные отношения, и тайная любовь Марии перестала быть безответной.

ISBN 978-5-44-748466-8

© Потёмкин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	15
Глава V	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

За далью незапамятных времён

Влад Потёмкин

© Влад Потёмкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Конунгу Хальву Ирвингу послышался вздох.

– Показалось, должно быть, – подумал конунг и всей пятерней крутанул птичью ножку так, что она целиком уместилась в его кулаке, выглядывая сквозь пальцы торчащими кусками мяса.

Звук повторился, и Ирвинг понял: «Слух его не обманывает».

– Кто здесь? – вопрошали глаза правителя полные удивления.

– Это я, – донеслось до него из глубины, но вполне, отчетливо, при этом бражная взвесь в бутылке пришла в движение.

– Ух?!! Ты!.. – от изумления Хальв раскрыл рот. – Я, ведь, ещё ни чего не сказал?.. Я, только – подумал?

Он стал тереть глаза, не веря увиденному зрелищу – по ту сторону бутылки стояло непонятное существо, сморщенное, с вытянутым лицом и узкой, клинообразной бородкой. На голове огненно рыжий чуб, торчал из-под шапки колпачка с бубенчиком. Одежда вся в дырах. Весь он, от ног и доверху, был наполнен, какой-то неряшливой несуразностью.

– Чего уставился? – изрёк «Несуразный». – Давай, выпускай меня!!

– Ты, как туда забрался? – остоленело, спросил правитель.

– Как? Как? – осадок в бутылке пришёл в бурное движение. – Мария загнала!!

– Во?!! Даёт?!! – пьяная физиономия Хальва вытянулась. – И, как это у неё получилось?

– Как? Как?.. Крестом!!!

– Каким ещё крестом? – нижняя губа Ирвинга совсем отвисла.

– Ты, чего – совсем того... я смотрю??

– Ты, сам должно быть – того.... Ку-ку... Полный!

– Отвори пробку, дятел!! – негодовал «Несуразный», видя, как уходит дорогое ему время.

– Сам, ты, дятел!.. Я конунг!!

– Какой, ты, конунг?! Что и делаешь... – пьёшь, да пьёшь...

– Пить будешь??

– Буду!! – обрадовался замурованный, думая, что – он ищет себе компанию.

– Не открою-ю-ю... Самому мало-о-о...

– Не буду я пить!! – умоляя, взревел «Несуразный».

– То-то!! Шишок... – проямлил конунг.

– Я, лишь – компанию тебе составлю, – пошел на хитрость закрытый внутри бутылки Шишига и бубенчик на желтом колпачке, закачался, в такт его увещеваниям.

– О!.. Это другое дело!! – пьяно изрёк Ирвинг. – Я не таких как ты... я ярлов, от дармовщинки отваживал.

Хальв приподнялся на локтях, так как, встать у него уже не было сил и, не спеша, потянул пробку. В конце своего пути, по лабиринту горловины, закупорка издала: «Чпок» – не то, здороваясь, не то непонятный, так поздоровался – издав вздох свободы, но «Несуразный», тут как тут, вместе с хлопком, уже сидел на столе. Как будто ничего и не было, лишь шипение в горловине ёмкости говорило само за себя: «Что—то произошло?!!»

– Кхе!.. Кхе!.. – изрек он, прочищая горло, после долгого заточения.

Шишига-Барабаш потёр глаза, после столь ядрёного настоя. Он, всё ещё, не верил в своё освобождение и, озираясь по сторонам, крутил головой. Головой барабашка больше крутил из боязни – как бы не зашла Мария и не загнала его обратно в бутылку.

– Куда же мне спрятаться то?.. Куда?? – домовёнок принялся подыскивать себе укромное местечко, бурса своими угольными глазёнками голое обиталище конунга.

– Хованец! Ты, чо...., – только и смог вымолвить конунг, на слово «мельтешишь» у него уже не было сил.

– Живёшь, как церковная мышь!.. А если сейчас Мария зайдёт?.. – шнырик по-детски развел руками. На его лицо отразилась растерянная озабоченность от создавшейся ситуации.

– Куда мне ныряться?.. Куда?? – он, в полной безысходности, встал во весь рост на столе. Но от этого в пустынном жилище Ирвинга потаённых мест не прибавилось.

Окосевший конунг, ничего не понимая, отрешённо уткнулся в одну точку.

Семейная жизнь Хальва и Изольдой, после рождения сына, лучше не стала. Характер жены стал ещё более скверный, а неприязнь к супругу, лишь только усилилась. По плану Изольды, конунг не должен был, общался с ребёнком. Благо исполнить задуманное оказалось не сложно – она отправить Сигурта вместе с няньками подальше от всеобщих глаз.

Конунг Хальв Ирвиг Младший, когда то, разъезжающий по резиденциям и охотничьим местам в окружении вереницы дружков-ярлов и их дружинников, вдруг остался один. И не понятно, при каких обстоятельствах, оказался на заброшенной заимке в горах под названием «Пристанище Бурого Медведя».

Бочонки с пивом и лагуны с брагой, с завидной скоростью, продолжали вершить своё пагубное дело.

На хуторе «Пристанище Бурого Медведя» жила одна из его тир, по имени Мария. Была у неё сестра Анна, которая трудилась на соседнем хуторе.

Сёстры были захвачены в землях франков, в монастыре. Франки в делах многожёнства далеко не ушли от скандинавов, хотя и приняли христианство более трёхсот лет назад. Языческие пороки трудно искореняются из человеческой мужской натуры. Многожёнство у франков было, не то чтобы в чести – но имело место быть, а про наличие рабынь-наложниц, говорить не приходится, их количество зависело от достатка. Поэтому, новая роль Марию не слишком то и обескуражила, её больше удручало положение сестры Анны, работающей на кузнеце тяжёлым молотом.

Находясь в неволе, она поняла одно – в скандинавском мире не принято выслушивать мытьё рабов, выканючивающих для себя привилегии, поэтому Мария решила действовать другим способом.

– У меня есть сестра, – начала она издалека. – Она работает у Вашего Величества на хуторе у «Скалы Соколов» не могли бы, Вы, найти ей мужа достойного.

– Найти мужа для рабыни?.. – Хальв даже поперхнулся.

Беспробудное пьянство превратило его в скупого, заунывного прожигателя жизни, но данная просьба его – в первую очередь рассмешила.

– Найти мужа для рабыни!!! – хохотал конунг.

Просьба, сама по себе, ни каких расходов от него не требовала и, Ирвинг с удовольствием согласился. Это, в первую очередь, заинтриговало его похоть.

«Штаны Нараспашку», тот час, собрался и ускакал...

Не было титулованной особы две недели. А, когда вернулся, то с великодушной улыбкой сообщил:

«Ты, знаешь?! Искал я твоей сестренке жениха достойного, из всех достойнейших, но – ни кого достойнее себя в своём королевстве, так и не нашёл! Ты, не будешь возражать, если она будет моей наложницей у «Скалы Соколов».

– Как я могу, мой король!! – ещё не веря в исполнение своего плана, покорно ответила Мария.

Она намеревалась родить конунгу сына – будущего правителя и с его помощью вернуться на родину вместе с сестрой и детьми, которые у них за это время появятся. Если же этот план не удастся, она рассчитывала тогда, вместе со всеми домочадцами, бежать в Швецию – к своей

тёте по отцу, вышедшей замуж за шведского конунга. Поэтому Анна должна была остаться здоровой и выжить в этой адской муке кузнечно-ковальных работ.

– Главное, чтобы моему Величеству было хорошо! – добавила она соглашаясь.

Однако такие любезности редко выпадали на долю рабов. Любвеобильность «Штанов» оборачивалась боком его же хозяйству, выбирая при разделе добычи свою долю наложницами, конунг лишал свои усадьбы обычной тягловой мужской силы.

– Конунг! Как твои бабы справляются с мужицкой работой? – хохотали ярлы на пирушках.

– Они у меня мастерицы!!! – орал любвеобильный сладострастник. – И раздвигают!! И вкалывают!! Всё успевают!

На самом деле, всё было не так радужно. Работа была тяжелая, да и земля не могла похвастаться чрезмерным плодородием. Постоянные недороды были бичом хозяйств правителя. У него была самая высокая смертность.

За скандинавами водится одно нечеловеческое правило: «Обречённость на могилу». Даже христианские миссионеры не смогли искоренить его из жизни, долгие годы и после крещения. Каждый муж, в годы не урожая, велел женам принести всех новорождённых, а порой даже годовалых детей на выбраковку, в первую очередь это касалось девочек. Оставался один самый крепкий мальчик, остальные относились в лес. Такие дети назывались – «обречённые на могилу». Дети от рабынь даже не рассматривались... и значились не иначе, как «выродками» и «ублюдками» в сознании этих суровых людей.

– Сусед ко!!! Привет! – гость из бутылки попытался привлечь внимание своего избавителя, помахав ему рукой.

– Ты, кто? – спросил правитель, когда плавающий силуэт приблизился к нему совсем близко.

– А тебе не всё равно, – барабашка не успел договорить, «с кем пить», как хозяин заорал:

– Здесь вопросы задаю я-я-я!!!

– Ох!.. Простите!.. Ох!! Простите!.. – зубоскалил гость.

Он уже освоился и улыбался, широко раскрывая рот, обнажая дёсны, утыканные гнилыми зубами половинками.

– Фу-у-у, – изрёк конунг. – И откуда, ты, взялся?

– Из бутылки!.. Или успел забыть?..

– Я не именно... Я вообще...

– Именно!.. Вообще!.. Что – это за манера такая, у пьяни, говорить – так высокопарно, и в тоже время не о чем!

– Ты, что себе позволяешь?!!

– Тихо! Тихо! – остудил его не прошенный гость.

«Несуразный» продолжал изучать жилище Ирвинга.

– Да-а-а! Ничего нового и интересного, – заключил он после беглого осмотра и решил побесить, клюющего носом, конунга. Заодно гость хотел убедиться в вопросе: «Подлинности Марии».

– Может, развлечёмся с Марией? – сказал он, глядя в туманные глаза Хальва. – Дашь Марию, на чуть-чуть?.. На раз другой?! Мне на ночь не надо. Я ведь не ты?.. Это, ты, у нас неугомонный!!

– Я, да!.. Неугомонный!!! Но, Марию не дам!

– Это отчего же? Всей грядне готов отдать?! А мне, так – нет?

– Дружине, да!! А тебе нет!

– И, что за причина – в отказе?.. Позвольте спросить??? – ехидно улыбаясь, спросил визитёр.

– Гусь свинье не товарищ!! – отрезал «Штаны Нараспашку».

– Ах, вот оно, что??! – ничуть не смущаясь, просиял посетитель.

– Вот так... – он хотел что-то добавить о Марии, но промолвить смог, лишь только: «Мария».

На звук отворилась дверь и в створ просунулась голова, красивой девушки, лет восемнадцати.

– Мой, король, звал меня? – спросила она милым голосом.

– Вели, ей зайди, – чуть слышно, прошепелявил зуба половинчатый. Он спрятался за огромную бутылку и стал изучать её оттуда.

– Мария... – промямлил конунг и замахал руками. Он хотел ей сказать, чтобы она шла к себе, только язык его не слушаясь и пьяно завис.

– Ваше Величество – чего-то хотело? – молвила она глазами полными любви.

Это чувство затеплилось в ней, когда она почувствовала себя в положении. И чем больше увеличивался срок, тем больше и больше росло – это чувство, не зависимо оттого, как бы плохо себя Хальв не вел в отношении неё.

Глава II

Изначально у Марии были другие планы на конунга. Но, всё изменилось, как-то само по себе. Она влюбилась в него – своего первого и последнего мужчину.

Когда он уходил на охоту – управительница ждала его, прислушиваясь к шороху шагов, наблюдая в проём двери, его возвращение и не засыпала, пока Хальв не вернётся. Перед родами, она ждала его с очередной охоты. Только, как не молила, смотрительница дома послать ей обнадеживающий скрип снега под ногами – зловещая, угрожающая, страшная тишина стояла в ушах.

– Что-то, не так?! – подумала она. Эта мысль, теперь не покидала её весь вечер и, лишь нарастала и нарастала. Тревога эхом пульсировала в её голове:

«Что-то не так?!»

«Что-то не так???»

Первые порывы ветра закачали кроны деревьев, царапая ветвями по скату крыши. По снегу поползла первая позёмка.

Где-то прокричал филин – как скорбный сигнал беды.

– Надо идти! – решила Мария. – Пока не замело следы.

Быстро собравшись, беременная направилась по следам, утопая в сугробах по пояс. Ступая, след в след, она не ощущала дна своими ступнями, благодаря большому животу.

Смотреть по сторонам не имело ни какого смысла – снежная пелена кружила так, что ничего не было видно. От ветра и снега у неё потекли из глаз слёзы. Замёрзло лицо. Руки и ноги ломило. Вдобавок ко всему прочему – на неё напала дрожь. Зубы принялись издавать такую дробь, что ей стало страшно. Что её могут услышать волки, и она не доползёт, и не поможет любимому.

Порывы ледящего ветра усиливались, пытаясь склонить стволы деревьев к земле, а то и, вырвать их с корнем. Холодный ветер гулял в полах её заштопанной одежды, пронизывая до самых костей. Снег колко бил по лицу и таял, стекая. Управительница вытирала лицо, полами рукавов, стараясь не давать потёкам обледенеть. От холода руки и ноги продолжали коченеть, она ёжилась, но не останавливалась. Непогода продолжала свирепствовать, но Марию пугало лишь одно – как бы совсем не замело следы. Она даже принялась паниковать, по этому поводу. Не обращая внимания, на немеющие от холода конечности и интенсивно-стучащие зубы, она ускоряла и ускоряла шаг.

И тут, смотрительница увидела, два тёмных пятна. Прямо на взгорке, через ложбину, почти у самого основания возвышенности.

Изо всех сил, работая руками и ногами, преодолевая снежную насыпь, она вползла на вершину сугроба. Перед ней лежал человек и чуть поодаль – медведь. Метель утихла. Небо посветлело. Луна, выглянувшая между туч, отчётливо освещала место поединка двух существ – рода человеческого и шатуна, покинувшего берлогу.

От усиленного движения у неё закружилась голова, но состояние радости безраздельно поселилось и завладело ею.

– Слава Богу! – вымолвила Мария, и счастливая скатилась вниз, прямо в открытые объятия замерзающего Хальва. Она перевернула его на спину. Ирвинг застонал.

– Живой! – просияло внутри неё.

Глубокая рваная рана напугала её, но благодаря толстому зипуну конунг остался в живых.

Уловив шум и запах крови, хозяин леса зарычал и, встав на дыбы из последних сил, нескладно двинулся на людей. Из пасти его торчала рукоять меча, а в шее рогатина и сломанный древко.

В пылу схватки Ирвинг вонзил рогулю в лохматую шею, но берложник переломил древко. Пользуясь длинною сломанного шеста, конунг повторно уколол шатуна рядом с первой раной. Меч в пасть он воткнул уже, когда хищник подмял его под себя и с ревом стал рвать на нем одежду, застревая когтями в плотной сермяге.

Колющий удар мечом, лишил ушкуйника прежнего ретивого порыва, и он стал оседать. Охотник прекрасно понимал – «огромный медведище задавит его заживо». Что, есть силы, он утёрся в рукоять меча двумя руками. Косолапый космач взревел от боли и привстал. В этот самый момент конунг вынырнул из под него. Тяжелая туша грузно заняла его место.

Шатун смотрел блестящими глазами на свои жертвы, но сил на большее у него уже не было. Он упал, в полуметре от людей, уткнувшись окровавленной мордой в порошок. Затих, время от времени, фырка алыми каплями крови, на белый пушистый снег.

Мария взвалила тяжеленного Хальва на своё плечо и потащила. Она выбрасывала ногу вперёд, упираясь ступнёю в снег, и отталкиваясь, проползала вперёд с любимым на спине. При каждом её выпаде, она ощущала бедрами свой округлый выпирающий живот.

Ветер стих. Тучи исчезли. Стало подмерзгать. Луна полновластно светила, осыпая округу мягким лимонным светом. Воздух стал морозен и тих.

Пробираясь по зарослям шиповника, она поцарапала себе руки и лицо, но не обращая внимания на боль продолжала тащить дорогого ей человека. Чтобы отдышаться, Мария остановилась – перевернулась на спину. Перед ней висело темное бесконечное небо, усыпанное звёздами.

Она и Хальв лежали на тропе заметённой снегом, а наверху, над ними цепью, убегала гряда голых огромных валунов. Сильный северный ветер не давал им возможности обрастать снежными шапками и сейчас, они, подмороженные набирающим силу холодом, были белые от арктической стужи. Среди камней росли, стелющиеся по склонам можжевельники. Ярусом ниже, голые кусты орешника и боярышника, такие же безмолвные, как белые истёрто-голые камни. На самой макушке сосны, в свете луны, зияло черным пятном брошенное гнездо. Воцарившееся беззвучие нарушал лишь шум ручья, доносившийся из ущелья. На встречу к нему нёсся ручей поменьше и вместе они рождали бурный поток. Через лог, после слияния начиналась усадьба «Бурого Медведя». Это радовало, не пугал даже усиливающийся мороз. Лишь деревья, огрызаясь, потрескивали, призывая Марию в путь. Она от усталости и нервного напряжения, беспрестанно хлопнула ресницами, покрытыми узорчатым инеем, смотрела на неподвижно-лежащего любимого и была уверена, что всё будет хорошо. Осторожно, натащив на себя конунга, она возобновила движение к дому.

Попав, после жгучего мороза, в тепло, тысячи иголок набросились на тело управительницы, словно касание свежего можжевелевого веника в парилке, но лишь более колко и нестерпимо больно.

Рана Хальва, оказалась гораздо глубже, чем ей показалось на первый взгляд. Положив на неё распаренный подорожник, смотрительница вышла за дом. Она откопала под снегом крапивы и, наложив полезный сорняк, поверх подорожника, перебинтовала тело – останавливая кровь. Растирая обледеневшие конечности конунга, она радовалась, видя, как краснеют его пальцы. Мария укутала ноги шкурой рыси, верх тела накрыла шерстяным овечьим одеялом, связанный ею длинными, зимними ночами. Сев рядом, она почувствовала тяжесть в низу живота.

– Что-то рано, – подумала тира. Задув сальный огарок, управительница вышла с остатками теплой воды.

– Рано, – повторила она, больше сама для себя, Хальв вряд ли мог ее слышать, да и ему до всего этого – было все равно.

– Должно быть, так Богу угодно.....

.....
роженице не терпелось знать: «Кто?..» Она подняла крохотное существо.

– Сын!.. – радостно вскрикнула она и застонала от боли, но материнское ликование продолжало бежать по телу неописуемым восторгом, (радостно) оседая в глубинах человеческого мозга.

Молодая мама перетянула пуповину. Обмыла ребенка водою из таза и завернула в лоскут. Малыш шевелил губами. Он хотел есть. Ничего не находя, он хотел вскрикнуть, но слыша: «Ш-ш-ш», – успокаивался до очередного «Ш-ш-ш».

– Кричать нельзя, – наставляла мама и серьёзным тоном и добавляла, – вдруг накричишь грыжу?.. Какой же, ты, тогда будешь конунг? Грыжа нам не нужна!..

– Какой, ты, красивый, – родительница восторженно расплылась в улыбке, – быть тебе, Хлодвигом!.. В честь первого франкского короля!

Она улыбалось, глядя в такое милое, премилое создание, которое ждала с таким нетерпением.

Поговорив, ещё какое-то время, она дала ему грудь. Покормив, не много, как учили в монастыре, она подержала его столбиком – пока не отошёл воздух, и положила на свою лежанку.

Глава III

Конунг в бреду раскрылся и беспомощно перекатывался головой по подушке. Он принялся, что-то невнятно, кричать, махать руками, призывая на приступ...

Вдруг, он вытянулся. Замер. Стал длиннее и, погаснувшим, отрешённым взглядом, уставился ввысь – сквозь потолок и все остальное...

Лицо его гневно исказилось, превратившись в звериный оскал. Губы утончились и злобно сжались. Остекленевшие глаза вырывались из орбит и пугали Марию своим отсутствующим взглядом...

Управительница, не зная, что делать, закричала. Но, он ни как не реагировал на её истерические вопли. Она принялась бить его по щекам. Окоченевшая голова безнадежно летала из стороны в сторону...

...И, он издал грудной, глубинный рык. Откуда-то издалека, как будто из другого мира. Этот «Рык», так напугал её, что она даже не могла осознать радость его возвращения, а замерев, так и оставалась, сидела на нём, всматриваясь, как его глаза наполняются рассудком, как к нему возвращается жизнь. Щеки его начали розоветь.

– Где, я?.. – спросил Хальв. Голос его звучал глухо, как и предыдущий рык, но он уже не пугал её. Она наложила ему на лоб матерью, смоченную в рассоле. Это дополнительно взбудрило его, и он вновь повторил:

– Где, я??

Голос его был отчётливый и ясный, а глаза требовали ответа на вопрос.

– Ты, возвращаешься с охоты, – ответила она. – А теперь, тебе, надо поспать.

Ирвинг послушно закрыл глаза и заснул. Он, время от времени, впадал в бред, но Мария была рядом.

– Чи-и-и, – успокоила она.

Конунг шел на поправку. Время от времени приступы бреда нарушали его забытие.

– Бредишь?! Это хорошо!.. – заключала смотрительница дома. – Значит, жить будешь!

– Со вторым рождением тебя, Хальв Ирвинг, – и добавила, более радостно, – и с рождением сына!!

Надавив брусники и клюквы, Мария сделала морс. Давая питьё и, попеременно меняя на голове повязку, она возвращала его к жизни.

Жар спадал, но ненадолго. Сухой кашель рвался наружу.

– Застудил, ты, себя, – рассудила управительница. – Сколько на снегу пролежал?.. Одному Богу известно!

Как-то, Хальв с охоты принёс барсука. Шкуру велел ободрать, а внутренности выбросить воронам. Мария, слушалась его указа, вытопила внутренний жир и теперь натирала ему грудь барсучьим салом, не касаясь ран, начавших понемногу схватываться.

Лицо Марии, при виде выздоравливающего конунга – светилось небесным светом.

Забота за больным и рождение сына переросли в любовь и преданность. И окончательно!.. На веки, связали её с Ирвингом, крепче гранитного монолита. Теперь каждый вечер, она не могла уснуть – всё, думала о Хальве. Придумывала разные планы их совместного проживания и засыпала, далеко за полночь, под оберегающим её ликом.

Ангел смотрел на неё, любовался её обворожительным, красивым лицом и не мог поверить, что это она. Сомнения, тлеившие внутри него не давали ему покоя, чтобы принять это окончательное решение и поставить точку в своём затянувшемся вопросе поиска.

Каждую ночь, смотрительница дома думала о конунге, мысленно разговаривала с ним, представляя, что он говорит ей: «Да». И была уверена, что это «ДА» свершиться. А когда, она

увидела жену Хальва, её вид – несуразное подобие женщины, ещё больше вдохновил смотрительницу-хозяйку в обязательном свершении этого «ДА».

Ирвинги объезжали свои владения. Конунг должен был выделить своей жене набежавшую ей долю от приданого. У княгини к смотрительнице образовалось множество вопросов, рабы бросились на поиски Марии и когда, они все вместе предстали перед ней, она ошарашила их вопросом:

– Что это?.. – обратилась она не понятно к кому и непонятно что, имея в виду, не дожидаясь ответа, она вышла, оставив всех в полном недоумении.

Хутор «Пристанище Бурого Медведя» Изольде не понравился, и управительница этому была неслыханно рада. Худящая, долговязая особа не могла быть добрым человеком и наверняка бы съела её заживо, своими придирками и неуместными замечаниями. Лицо её вытянутое и нервное, с вечно бегающими глазами и острым подбородком не могло обещать ничего хорошего. Они с сестрой, будучи в монастыре, такие лица рисовали чёртикам. Тело её – под стать лицу состояло из одних только острых выступов и углов. Чета конунгов оставалась на заимке не долго, но злобный прищур не покидал её лица, всё это время. Всё, куда бы «Верста Из» не бросала свой взгляд, не вызвало в ней чувства радости или восторга, а наоборот насыщало злобой. Голова её при этом недовольно покачивалась, а начес редких тонюсеньких волос наиболее ярко дорисовывал весь этот ходящий скелет. Переполненная злобой княгиня покидала очередную, не понравившуюся ей усадьбу. Уже с коня, она, что-то фыркнула и ускакала из жизни смотрительницы раз и навсегда.

Для скорейшего засыпания Мария баюкала сына старинной песенкой, и он – тут же засыпал. Каждое утро она радостно просыпалась и спешила к кровати. Аукая и разговаривая, она целовала его, от чего Хлодвиг хохотал неудержимым смехом.

– Скажи мама, – просила она.

– М-м-м..., – Хлод пытался, повторить за ней.

– Скажи, люблю.

– Блю-ю-ю, – вторил малыш. И так, лепеча и повторяя, они беседовали, пока она не давала ему грудь.

Хлодвиг любил вставать и ходить по периметру кровати, топал пухлыми ножками, вызывая у матери неопиcуемый восторг.

Глава IV

– Что хотело, Ваше Высочество?! – переспросила Мария. Она всё также оставалась в проёме двери, не желая тревожить конунга, но он позвал её, и она не могла его не послушаться.

– Вели бастарда отнести в лес, – чуть слышно, прошептал длиннородый из-за бутылки, прячась от смущения под жёлтым колпачком.

– Отнеси, нагулёнка, в лес... – опьянело, изрёк конунг.

– Во!! В тебе заговорил, мужик!! Хвалю и преклоняюсь! Мне такие приказы, уже давно не даются, – странный посетитель попытался выдавить слезу, но она по-настоящему выступила из глаз. Чтобы скрыть это, он решил предать своим действиям развязности:

– Слушай, приятель! Нагни-ка её, чтобы она меня не видела. Уж больно не хочется опять лезть в бутылку. Я по-быстрому. Ну, не так как, ты, конечно, недонос.

– Кто недонос?.. – завопил смертельно упившийся конунг. – Я недонос?.. Да я тебе сейчас покажу, какой я... не недонос, – и Хальв повалил тира на лавку. Но ничего нового он не преподнес и оттого вознегодовал, ещё больше.

– Вон!!! – орал истеричный правитель. – Быстряка, в лес! И выколи ему глаза!! – он бешено затопал ногами, извергая несусветную брань.

– И принеси ещё пива! – негодуя, повелел хозяин в след уходящей рабыне.

«Несуразный» посмотрел на Марию – сквозь проемы шерстяной вязки шапочки и ужаснулся – увидев в глазах девушки застывший страх, обиду и откровеннейший ужас безысходности.

– Надо успокоить ее, – рассудил он, видя – как ей тяжело. – Даже, если это и не «ОНА».

Комом в горле застряла обида, слёзы подступали к глазам, но Мария, не подавая вида, вышла. Разом оборвалась её любовь к конунгу, и не тешила она себя больше ответным чувством. Разом, оборвалось всё, и мир почернел... и воздух... и солнце... Всё почернело и горькое, горькое зерно поселилось внутри. Мысли теперь были только о Хлодвиге. Только о сыне.

Невзирая на неурожай, всё зерно конунг направлял, исключительно на варку пива.

– Нет!! – продолжало кричать внутри Марии, слёзы так и рвались наружу. – И ещё это пиво?..

Она, покачиваясь, направилась в подвал, отсчитывая ступени. Терпкий, пахучий аромат солода, взбудоражил её изнутри, и рвота залпом вырвалась наружу.

– Что?.. – содрогнулось её сознание, а воспалённый мозг кричал. – Не может быть??? Я, опять, беременна?.. От этого чудовища??? О, Боже мой...

Не помня себя, она сползла по холодной стене....

Плач Хлодвиг привёл её в чувства. Лицом она лежала на холодном, ледяном камне, обжигающим щёку. Мария вбежала в своё пристанище.

Ребёнок неистово кричал, Как будто чувствовал, что-то не ладное. Мария взяла плачущего сына на руки и принялась качать. Он обычно никогда, не нервничал, а если и случалось такое, то когда она брала его на руки, он тут же успокаивался и засыпал.

– Должно быть, газики? – подумала она и принялась массировать животик.

Ладонь умело двигалась по движению солнца. Малыш успокоился и затих. Он время от времени улыбался, так с улыбкой и заснул. Мария бережно положила его в колыбельку. Не чувствуя под собой ног, она легла на лавку, которая служила ей лежанкой. Люлька висела рядом. Не понимая, что делать, она стала смотреть в поток. За стеной, в очаге, трещал сверчок. Потухшие глаза Марии были полны боли, а мир сузился до пределов этой маленькой коморки.

– Что делать будешь? – спросил гоблин. Он сидел на самом верхнем стеллаже, поверх вязанки вяленой рыбы.

– Ты, опять здесь? – она хотела совершить над ним крестное знамение.

– Не смей!! – оборвал он её мысли, уже наученный предыдущей выходкой.

Появление странного человечка наводило на Марию непонятное, раздвоенное состояние. Не потому, что он был одет в рваньё. Её одежда не особо- то уступала гостю. Нет, не поэтому?..

Появляться он стал последнее время. Раньше, она его не чувствовала. Посещение несуразного было, всегда неожиданное, внезапное и подсматривающее. Хотя, его не было видно, но она ощущала его присутствие. Гномик приходил, неизвестно откуда, и также, внезапно, уходил в некуда. И это пугало её больше всего.

Странный человечек напоминал ей мальчика. Но, не по возрасту, серьёзные, озабоченные глаза, говорили, что это не так. А, видевшей виды, удручённый взгляд, лишь подтверждал её противоречивые чувство двойственности и настороженности.

– Может он маленький беспризорник? – подумала она. – У них смекалка, опережает возраст и, нет боязни. Таких детей она видела в монастыре. Они обычно появлялись поздней осенью, но с появлением теплых весенних деньков исчезали. Глядя на них, она всегда думала о потерянном детстве – они ни когда не смеялись. Хотя, они, с сестрой, также же, как все – страдали от постов, но у них на пару – была своя кукла и, это давало им возможность улыбаться и даже хохотать, радостно и от души.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– А тебе не все равно, – последовал равнодушный ответ.

– Точно?.. Беспризорник?? У них нет ни имен, ни фамилий, ни отчеств. Одни клички.

– Тебе не холодно? – поинтересовалась она, глядя на его одежду – одетую, явно не по времени.

– Для меня – это не важно.

– Да?.. – изумилась она. – А что для тебя – важно?

– Мои родные и близкие.

Мария посмотрела недоуменно: «Откуда у беспризорного – родные и близкие?» Но, ей хотелось с кем-то поговорить:

– И много их?

– Достаточно!

– И где они?

– Они повсюду!.. А, чего, ты, все обо мне, да обо мне печешься?! Ты, лучше о себе подумай?!

Серьезный тон, заставил Марию пересмотреть, своё неверно сложившееся представление о нем. Перед ней, всё-таки, был взрослый человек, удрученный опытом:

– Просто, он должно быть карлик?.. – подумала она.

В ответ – на её мысли, он посмотрел на неё, так – что у нее под ногами закачался пол.

Легкое головокружение заставило Марию ухватиться за опору, и состояние страха вновь овладело ей.

Гномик улыбнулся – равновесие вновь возвратилось к ней.

– Я на много старше, чем могло тебе показаться, – попытался убедить он её. Чтобы не быть навязчивым гость принял за рассматривать помещение.

– Ты, хочешь, есть?.. – спросила она, видя его беглый шарящий взгляд.

Несуразный гость в ответ покачал головой.

– У меня не так много свободного времени, чтобы заниматься едой!!

– Но, как??

– Еда мне практически не нужна! Если так... для поддержания беседы. Или... для гурманских ощущений.

– Твои родные тоже не едят?

– По-всякому!.. У меня же много родных, – прояснил свою заминку гость.

Состояние непонятности вновь овладело Марией.

– Не которые из них пьют! – странный посетитель попытался развеять её сомнения. – Причем запойно!! И мне приходится с ними нянчиться, как с малыми детками.

– Ты, нужен им?.. – поинтересовалась она и поняла, что ляпнула глупость.

Его молчание сказалось само за себя.

– Тебе бывает одиноко? – спросила смотрительница, после не которого молчания.

– Как и всем, – задумчиво ответил он. – Ни больше – ни меньше.

– Но ведь – это у всех по-разному?

– Это у всех одинаково!! А тебе?..

– Да.

– А почему, ты, считаешь, что ты одинока?

– Не знаю... Мне порою, бывает так тоскливо?..

Она вдруг стала, такой маленькой или он подросток, но ее подбородок упёрся ему в грудь и она заплакала.

Теперь, он понял, что это она?! – ошибки быть не могло. Он хотел сказать:

– Моя королева!! – но решил не вносить дополнительной путаницы в её и без того запутанной голове. Он осторожно, чтобы не спугнуть, погладил её по голове. Всклипы и вздрагивания, исходившие от неё, отдавались в нём и тонули, в его бесконечном пространстве, успокаивая ее. Он отчетливо слышал её сердцебиения в такт гармонирующие с ним. Этот резонанс не мог быть случайным.

– Как долго я тебя искал? – в сердцах подумал он. – Теперь, я тебя ни за что не потеряю!

Она была для него ребенком! Маленьким, родным ребенком!

– А разве бывают не родные дети? – подумал он и утвердительно добавил. – Нет!.. Не бывают.

Он ощутил себя снегом, укрывающим озимые в холодную зимнюю пору – своим белым пушистым покрывалом.

– Холодные зимние времена для тебя закончились, – заключил он и прижал ее еще более нежно. Теперь я буду оберегать тебя всегда и не только тебя – всех своих пра- пра и еще тысяча раз праправнуков: и Иден, и Хальва – всех – которых он, так долго искал. А Анну придется удочерить и Ауста тоже – принять в семью.

Поток слез потихоньку стал иссякать.

– Может – это домовой? – подумала она. – Он охраняет дом и покой!! А я его – в бутылку??!

Несуразный, не смотря, на потрепанную одежду и неприглядный внешний вид, держался по-королевски – величественность исходила у него изнутри. Он с упоением смотрел на нее, но решил не торопить события и слегка отстранился от неё.

– Как, ты, выбрался из бутылки? – спросила она.

– Это ли должно тебя сейчас волновать?..

– Да... нет..., – она не знала, что ответить.

– Вот, так-то!? В секунды рушиться все планы и надежды!! Думала, родишь сына?.. Будущего конунга и с его помощью вернешься на родину, а выходит. Вот?..

– А откуда, ты, это знаешь? Я об этом, даже своей сестре не говорила. Считала, что – ещё рано. А, ты, всё знаешь?!

– Я не только про – это знаю?

– А ещё про, что?

– Скажем?.. Кто ты? – незванец непонятно заулыбался, зная всё её подноготную.

– Внучка Карла Мартелла Освободителя! С одной стороны и ободритского князя Выше-слава с другой! Принцесса Аделаида! Или тебе больше нравится Мария?

Марию вновь охватил страх. Она всматривалась в лицо несуразного гостя, пытаясь разглядеть следы таившейся опасности, но лицо хранило признаки приветливости и абсолютной серьезности – однако смотрительница дома продолжала бояться.

– Хватит?.. Или продолжать дальше??

Управительница в растерянности молчала. Во избежание излишних издевательств, Аделаида с сестрой Региной, утаили о своём происхождении и, взяв имена «Мария» и «Анна» – сошли за простых прихожанок.

Глядя во всезнающее, то задумчивое, то улыбающееся лицо странного гномика, ей вновь захотелось – перекрестить его.

– Не вздумай!! – предупредил оборванец. – Верь мне!

– Ты, порою, бываешь какой-то: «Не хороший?!» И, пугающий!!

– Знаешь?! Если черный кот, уступает мне дорогу – это ещё не повод думать – «ЧТО, Я – ТАК ПЛОХ?!»

– Ты не хороший?.. – спросила она.

Не желая бахвалиться, он начал издалека.

– А я им и не должен быть. Хороший?.. Плохой?.. Это вопрос спорный?! Иногда плохое деяние и хорошее идут вместе, одной дорогой. Им по пути, – но лохмотник не договорил, что – это по пути – явление временное. Что результат, то всегда будет один и тот же, если не сказать, что: «Ни какой, а может быть даже и плачевный?..»

– А ты всегда бываешь хорошей? – странный посетитель посмотрел на неё в упор, от чего ей стало не по себе.

– Я стараюсь!

– А когда, ты, подговаривала сестру, столкнуть лбом слепого доходягу с подорожным столбом думала о хорошем?

– Я!.. Я! – Мария замялась, но придя в себя, ясно ответила. – То, была – Аделаида, а не Мария!..

– Лихо придумано!.. Чуть, что не так – так – это «АДЕЛАИДА!!» А, как мне тебя звать – «Марией?» или «Аделаидой?»

– Марией! – коротко заявила она.

– Как скажешь!

Глава V

Аделаида и Регина были двойняшками и доводились двоюродными сестрами королю франков Карлу Великому.

Карла Мартелл, воюя на юге с арабами, опасался возмущения на севере саксов, поэтому заручился поддержкой соседей фризов и ободритов. Королю фризов Радбору, как и князю ободритов Вышеславу союз был на руку, чтобы урезонить чрезмерно воинственных северян пиратствующих на море и промышлявших набегами на побережные селения. Военный союз скрепили брачными узами – дочери Карла Освободителя вышли замуж – Берда за второго сына короля Радбора – Абба, Альда за сына Вышеслава – Ратибора, в результате которого и родились Аделаида и Регина. У Берды и Абба детей не было.

Девочки, ещё, будучи детьми – были повенчаны с сыновьями короля фризов, отец которых пал на той войне с саксами. Женихов усыновил их дядя Абба.

Берда по причине бездетности всё своё свободное время проводила в монастыре, считаясь в нём практически аббатисой. По задумке Карла и Вышеслава девочки, должны были составить свадебную партию осиротевшим женихам – дабы стать надежными гарантами-союзниками в противостоянии с саксами.

Как и подобает отпрыскам такого рода, воспитывались сестры в монастыре, познавая больше духовные науки. Школ в ту пору ещё не было. Это годами позже, король Карл Великий – встретит Алкуина на ступенях храма в Риме и возгорится в нем желание – дать народу своему всеобщее образование.

Учились они в монастыре латыни, письму, познавали философские трактаты греческих и римских мастеров и, конечно же – молитвам. Монастырь не был бедным, но монашеский аскетизм давал о себе знать, голодными урчаниями в животе, поэтому послушники часто убежали, чтобы поживиться в окрестных садах. По стечению обстоятельств, в округе свирепствовала какая-то эпидемия. Сестёр подстригли, наголо и их, нельзя было не отличить от мальчишек. За девочками был более строгий пригляд. Сёстры незаметно, перебралась в мужскую келью, и урчаний в животе стало меньше.

Просыпаясь, они – как правило – произносили про себя несколько заповедей и принимались за дела. После трапезы и занятий они пускались в очередной вояж, как раз в окрестностях, пошла малина красная, как кровь.

При монастыре часто просили милостыню нищие.

Возвращаясь, как-то, с очередного вояжа, сёстры увидела слепого.

– Ребята, хотите поесть, – слепой в руке вертел копчёную колбасу.

Ему был нужен поводырь. Он приплыл на корабле с Британии и путь свой держал в Рим, там по слухам давали большое подавание.

От вида салями и источающего от неё аромата у девочек побежали слюнки. Огородные деликатесы в виде сырой моркови, репы и брюквы уже, приелись. От них, также урчало в животе, как и в порожнем чреве. А тут – колбаса?!!

– Пойдёте со мной?.. Я буду вас кормить! – уговаривал нищий.

– Садитесь, дорогие мои, – предложил старик. – Перекусим, чем Бог послал.

Для важности он представился: «Беда Достопочтенный!.. Великий богослов!»

– Да!! – обрадовались сестры. – А мы, Ваши, трактаты учим в монастыре!

Настоящий Беда Достопочтенный умер, но, ни нищий, ни девочки об этом не знали.

– Учите... Учите, – принялся наставлять их лжебогослов. – А чего, вы, стоите?.. Присаживайтесь.

Но, стоило им присесть рядом, как цепкие руки «Достопочтенного» схватили их такой хваткой, что вырваться из его лап уже не предвещало, ни какой возможности. Для порядка,

он врезал им по затрещине и, пригрозил, что если они пикнут, хоть чуть-чуть, то свернет им шею без всякого сожаления.

Великий богослов прицепил их на цепи, и они тронулись в путь.

Первый ночлег путники провели в поле, под навесом гумна. Странник отпустил цепь на все длину и велел Регине набрать зёрен – тем они и поужинали с Аделаидой.

Сам же слепой, достал из-за пазухи краюшку хлеба и неспешна, отламывая – по чуть-чуть – принялся чинно жевать, уставившись в высь.

– Какое красивое небо!!! – изрёк он, наевшись и тут же уснул.

В желудке, после зёрен, у поводырей началась такая буркатня, не идущая ни в какие сравнения с их голодными урчаниями в монастыре.

– Да!.. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, – подумала Аделаида. Как тут же Регина заканючила:

– Есть хочу.

– Тихо ты.... Я можно подумать не хочу, – одёрнула Аделаида сестру.

От кармана бродяги вкусно пахло салями, которую лжесвятой ел, как деликатес поне-многу.

– Может вытащить у него колбасу, – осторожно предложила Регине. Она лежала со стороны пахнущего тайника.

– Не знаю, – засомневалась Аделаида. – А вдруг проснется?

– А, может, стоит попробовать? – настаивала Регина.

– Попробуй, – согласилась сестра.

– Хорошо.

– Только, осторожно, – напутствовала Аделаида.

– А вдруг проснётся?.. – засомневалась Регина. Преодолевая нерешительность, она просунула руку в карман. Салями в мгновение очутилась в ее руке.

– Разломи ее пополам, а вторую половину засунь обратно, – посоветовала сестра.

Разделив, оставшуюся у них часть пополам, сестры могли, теперь и поесть, каждая свою половину.

Только, радость их была преждевременной. Запах чеснока зашевелил ноздри спящего старца. Отчего он вскочил, посмотрел по сторонам, но увидев отключившихся поводырей, успокоился. Девочки притворились спящими и с набитыми ртами хранили молчание, изображая мирное сопение. Дед успокоился и, уже было, лег, думая о предстоящих сновидениях, как что-то осенило его – проверить колбасное хранилище. Он хлопнул кистью, по укромному месту и, убедившись, что – деликатес на месте, вытянул ноги для удобства отдыха. Как, в этот самый момент, его осенило – ощупать свое лакомство руками воочию. Засунув переднюю конечность в потаенный сусек, он сразу понял – запас уменьшился. Провидец вскочил, подтащил поводыря, к себе и принялся его обнюхивать. Запах слышался отчетливо.

– Раскрой рот, – приказал паломник.

Регина продолжала прикидываться спящей.

Святой врезал ей по голове. Она, издав вопль, раскрыла рот. Бродяга в образовавшуюся щель юркнул костлявым пальцем и, просунув туда, один за другим, все пять пальцев, стал выгребать от самого нёба – не успевшую, еще Региной проглотить вкуснятину.

Инвалид закинул отвоеванные куски себе в рот и, откинув поводыря в сторону, совершил ту же процедуру над вторым ведуном. Расправившись с украденным кушаньем, странник велел воришкам приготовить ему постель на краю гумна, после чего он выгнал их за пределы навеса.

В небе светили яркие звезды, на землю ложилась первая роса. Стало холодать.

– Это, ты, виновата?! – огрызнулась на сестру Аделаида. – Есть она, видите ли, хочет?

– А кто мне велел – колбасу вытащить? – не сдавалась Регина.

Слегка поругавшись, они замолчали, уставившись на спасительный навес, который был им в данный момент дороже замка. В унылом настроении и с пустыми желудками, они неподвижными глазами смотрели – на чудо терем – набитый снопами и крытый соломой. Угнездившиеся под скатом соломенной крыши воробьи равнодушно смотрели на вздоривших между собой принцесс, их больше тревожили мыши, высовывающие свои мордочки между колосьев. Принцессы искренне позавидовали нахохлившимся в теплом гнезде воробьям, снующим – юркающим среди хлебного изобилия мышам. Им стала, так жалко себя, что они разом заплакали и, обнявшись, прижались друг к дружке и, согреваясь от холода, заснули.

Так начались их скитания по просторам родного королевства: Фризию сменила Белгика и Бретань. Кормились они подножным кормом. Вдоль дорог лежали посеы капусты, моркови, лука. Слепой отпускал кого-то из поводырей на длинной цепи за провизией в поле. Всё прине- сённое, он прятал в своей бездонной суме, держа девочек в голоде, посильнее монастырского поста, выдавая им, то луковицу, то морковину на день. Вчерашние послушницы исхудали, они прекрасно понимали:

– Надо бежать?! Но как?..

В Аквитании, стало лучше. Дорога утопала в виноградниках. Поочередно, спускаясь за провизией на плантацию, они сначала наедались сами, а потом уж приступали к сбору для безразмерной торбы «Беды Достопочтенного».

Калека прекрасно понимал, что поводыри кормятся, пока набирают виноград, поэтому он время от времени подёргивал за кандалы и кричал;

– Чего, ты, там курепишься? Опять, жрёшь?.. Потаскун, несчастный!

Он, все ни как, не мог забыть их колбасное обжорство. Но когда в ответ с обочины слышал:

– Да, я еще не дошел до виноградника! Тут, столько крапивы?! Просто не подступиться!! – для убедительности поводырь гремел железными путами.

Дед успокаивался и, подставив морщинистое, обветренное старческое лицо осеннему солнцу терпеливо ждал.

Так они и менялись, то с одной стороны дороги произрастали сады, усыпанные солнечными гроздьями, то с другой. Вместе их святой на сбор не отпускал.

Поздняя осень застала путников в Провансе. Начались сильные дожди, а до долгожданного Рима было еще далеко. Дед решил, чтобы не терять время на поиски ночлега, спать прямо у дороги – в канавах.

Промокшие до нитки девочки не могли уснуть. Они беспрестанно ворочались, с нетерпением ожидая рассвета. Чтобы наконец-то тронуться в путь и согреться движением, и первыми лучами солнца, проглядывающими сквозь тучи. Осеннее солнце, уже не особо-то грело тело, но зато радовало, согревало душу.

– Лучше идти под дождем! Быть бесприютными странниками, шлепая босыми ногами по безвылазной грязи и лужам, чем быть заживо погребенными в мокрой канаве!! – рассуждали сестры. Дед спал под зонтиком и не знал, что такое – быть промокшим насквозь.

Слепой обещал отпустить их, как только они переступят врата Святого Города.

Ночи стали холодные. Теперь, и дед дрожал, закутываясь во всё – во, что только можно было завернуться, засыпая себя – даже последними лохмотьями. Он кряхтел, ворочался и во всём винил поводырей, что они очень медленно движутся. От злости, без всякого повода, он принимался их избивать цепью, приговаривая, какие они прохвосты и саботажники, специально задумавшие, его заморозить и не довести до долгожданного Рима.

Однажды он отправил Аделаиду на базар за вином. На оставшиеся деньги, она уже стала присматривать себе и Регине, что-нибудь вкусенькое, как к ней подошёл ремесленник.

– Купи карабин, – предложил мастер.

Он торговал разными металлическими поделками и украшениями. Сам их производил у себя в маленькой кузнице, не далеко от рынка. Все украшения у него раскупили. Осталось всего два карабина и он уже собирался покидать торг.

– А зачем он мне? – недоумевала Аделаида, глядя на блестящий, металлический предмет. Волосы у девочек уже отросли.

– К поясу пристегнешь, и будешь носить ключи. Захочешь, пристегнешь. Захочешь, отстегнешь, – мастер нахваливал свою работу, щёлкая замком.

– Сколько, стоит? – спросила Аделаида. При словах: «отстегнёшь», «пристегнёшь» её осенила мысль избавления.

– Пять денье.

– Пять денье?.. Это дорого?! – у неё всего осталось семь денье.

– Это дорого?.. Это даром!!

– У меня всего 7 грошей. А мне, надо два карабина!

– А зачем тебе два карабина?

– Один мне! Другой сестре!

– Хорошо!! – согласился мастер. – Если, ты, такая заботливая и внимательная сестра, то я уступаю тебя эти два карабина за 7 монет.

– Не... мне тогда надо еще точило, к этим двум карабинам.

– А точило, то тебе зачем? – удивился кузнец.

Девочка решила не выдавать своих тайн первому встречному.

– Я хочу сама повесить карабин с цепочкой на пояс сестре, чтобы удивить её таким хорошим подарком.

Мастер слышал много хороших слов о своей работе, но хороших слов не бывает много, поэтому он обрадовался, еще больше – удавшемуся на сегодня дню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.